

АЛЕКСАНДР
СЫТИН

ИЗБРАННОЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

• ММІХ •

Александр СЫТИН

Избранное

«Пробел-2000»

2009

УДК 821.161.1-Сытин
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-5

Сытин А. И.

Избранное / А. И. Сытин — «Пробел-2000», 2009

ISBN 978-5-98604-180-3

СЫТИН Александр Иванович, член Союза писателей России, лауреат литературной премии имени Дмитрия КЕДРИНА «Зодчий» – автор семи стихотворных сборников и четырёх книжек прозы. В 1959 году окончил физмат Казанского госуниверситета и был направлен для работы в Подмосковье в ракетно-космическую технику. Где и застрял на всю жизнь. Первая книга «Открытость» вышла в издательстве «Современник» в 1979 году. С 1959 года живёт в посёлке Болшево Московской области. Теперь эта часть Болшева – город Юбилейный.

УДК 821.161.1-Сытин
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-5

ISBN 978-5-98604-180-3

© Сытин А. И., 2009
© Пробел-2000, 2009

Содержание

От автора	7
Открытость поэтической души	8
Из книги «Открытость» (1979 г.)	11
«Шевелились воздух, речка...»	11
«Мои заботы часто хуже пытки...»	12
«Ещё в молчании поля...»	13
Московская земля	14
Открытость	15
Доброта	16
Среди людей	17
Запасный путь	18
Дитя человеческое	19
Глаза	20
«Такая тишина здесь и замедленность...»	21
На ученье	22
«Машины катят вдоль излуч рекных...»	23
«Сегодня выдался денёк!..»	24
На марше	25
На картошке	26
Вечером в страду	27
«Поеду в деревню. Наймусь в пастухи...»	28
В голодный год	29
Память	31
Весть о победе	32
Плач	33
Земля	34
«Вершатся дерзкие дела...»	35
«Земля во власти ожиданья чуда...»	36
Сердце	37
«Состарилась у гроба: слёзы душат...»	38
Папы	39
Ритмы	40
Возвращение с юга	41
«Я бродить по траве и листве не отвык...»	42
Первый снег	43
«Снег качается на стропях...»	44
«И вот запахло тополями...»	45
Заря	46
Друзья	47
Пей, земля!	48
В земляничных лугах	49
Сентябрь	50
«Вот когда я на пенсию выйду...»	51
«В аннотацию загляну...»	52
«Когда над землёю летаешь...»	53
Энергия	54

Из книги «Тревога» (1990 г)	55
Памяти безымянной деревни	55
Липа на проспекте	56
Яблоня	57
Через тысячу лет	58
Тайны	59
Награда	60
«Выходит, человека проглядели...»	62
«Кто эту тысячу приговорил...»	63
Винтик	64
Чернобыль	65
Вера	66
«Улыбкой и взглядом касалась...»	68
«Кто ждёт с такой неистовой надеждой...»	69
Эхо	70
Земля полигона	71
Без вести	72
«Ах, как много вас...»	73
Облака	74
Ты	75
Немота	77
«От жизни мне надо немного...»	78
Опоздание	79
Моя муза	80
Из книги «Время московское» (1999 г.)	81
Заложники	81
«Потонула Россия в долгах...»	81
Паук	82
Родное	83
«Рыдает безутешно мать...»	84
Сёстры милосердия	85
«Какие слепые силы...»	86
«Кровавые следы хмельных колёс...»	87
«Нет, на Земле людей не миллиарды!..»	88
О свободе	89
Эхо	90
Что нас ждёт	92
Монолог мафиози	93
«Реки пустынная просинь...»	94
«Живые...»	95
«Чего-то мне сегодня не понять...»	96
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Александр Сытин

Избранное

© Сытин А.И., 2009

От автора

В книгу вошли стихотворения из нескольких сборников, изданных в разные годы, а также поэма и отрывки из повести в стихах. В представленных отрывках ещё нет в достаточной мере ни времени, в котором живут герои, ни выражения основного замысла автора – влияния творчества на формирование личности. Скорее, это фрагменты лирической биографии главных героев Николая и Геннадия. Предстоит ещё большая работа. Конечно, главные герои пройдут через всё повествование.

Александр СЫТИН

Открытость поэтической души

Когда я впервые познакомился с творчеством Александра Сытина (то есть услышал его стихи в авторском исполнении), сразу почувствовал, что этот молодой (в 1965 году!) инженер-ракетчик из военного НИИ – зрелый, уже сложившийся поэт. Как оказалось, поэзия привлекала Сашу с детских лет. Сам поэт рассказывает: «Во втором классе написал рифмованные четыре строчки. В третьем – целых двенадцать строк о Первомае. Уже пятиклассником писал письмо в стихах брату, курсанту Тамбовского артучилища: *Скребёт перо бумагу, / Стучится в окна град. / А мысли переносятся / К тебе, мой старший брат.* Первая публикация – в газете «Кологривский колхозник». Но первым, похожим на настоящее стихотворение, считаю то, что было напечатано в газете «Комсомолец Татарии» в 1954 году: *В глазницах окон гаснут огоньки. / И реп родуктора замолкли звуки. / Лишь ветерка невидимые руки / Сметают снег в глухие уголки* – эти строчки самому нравились»

После той первой встречи мы долго не виделись, но я хорошо запомнил внешность поэта, его негромкий глуховатый голос и неповторимую поэтическую интонацию. Поэтому сразу узнал Александра Ивановича, когда через несколько лет он пришёл работать к нам в ЦНИИ-маш. Встретились мы, естественно, в редакции нашей многотиражной газеты «Прогресс», где Саша сразу возглавил институтское литературное объединение. Наряду с пишущими сотрудниками НИИ, здесь занимались наши коллеги из КБ Химмаша, «Композита» и НПО ИТ. На страницах многотиражки прописалась настоящая поэзия. И я убедился: Сытин – поэт сложившийся, но и постоянно растущий, развивающийся.

Руководимое Сытиным институтское литобъединение стало фактически филиалом ЛИТО имени Дмитрия Кедрина в Мытищах, которое заслуженно считается лучшим в Подмосковье. Оно было и остаётся для Саши главным литературным братством. Его бессменный руководитель, замечательный человек и поэт Юрий Петрунин, – настоящий подвижник. Эта творческая организация, по большому счёту, подлинный литературный институт. Достаточно сказать, что на сегодняшний день здесь подготовлено более тридцати членов Союза писателей России. Одним из первых среди них получил «красные корочки» поэт Александр Сытин, позже ставший лауреатом литературной премии имени Дмитрия Кедрина «Зодчий».

В 1979 году издательство «Современник» выпустило первый сборник Александра Сытина «Открытость». Всегда с удовольствием вспоминаю, что после прочтения рукописи я предложил Саше это заглавие – по одному из стихотворений. Название «Открытость» неоднозначно. Оно от носится и к нашей Руси-России, и к Земле как планете, открытой всем внешним вселенским силам. Но открытость – это и самое, может быть, главное качество поэтической души автора. Эта черта – при родная, национальная, чисто русская. Сытин – очень русский поэт. Каждый ли может вот так, словно в доверительной беседе, заявить на весь свой книжный тираж: *Хорошо мне дышится, если рядом слышится голос добрый, родственный, русская душа.*

Потом были другие книжки – «Свет женщины», «Время московское», «Весточка из детства», «Отставшие стихи», «И тянет не зря его в лес», «В кругу друзей», солидный сборник «Я в моём времени», крупные подборки в журналах и альманахах, выступления на вечерах в ЦДЛ и у Петрунина,

а главное – всё новые и новые стихи. Конечно, хорошую поэзию можно читать и отдельными стихами, и собирать всё, что выходит «летучим дождём брошюр», но лучше всего – вот такой увесистый том, куда вошли стихотворения самых разных годов – от бодро-оптимистических шестидесятых, спокойных семидесятых и обманчиво-обнадёживающих восьмидесятых до грубо-разочаровывающих девяностых и нынешних, перешагнувших рубеж нового тысяче-

летия. И все на строения, все многозвучные и много цветные спектры эпохи резонансами отозвались в поэзии Сытина.

Зарази тельна его поэзия! Каждый, кому приходилось не раз возвращаться домой из дальних поездок, ощутит знакомое чувство, прочитав: *И дрогнуло вдруг, / и забилося в груди / прозрачным осколочком: «Близко!»*. Тема пути и движения охватывает всё творчество автора. Ведь движение есть жизнь! «И я тоже появился на свет в движении – рассказывает Саша. – Родители строили железную дорогу, и во время очередного переезда, в Карагандинской области, я и заявил о себе. Видимо, именно поэтому всякое движение, особенно по железной дороге, волнует меня до сих пор». Сытину хорошо знакомы казахская степь и побережье Чёрного моря, холодные северные просторы и неожиданное разнообразие Сибири, но душа поэта постоянно напоминает о самых дорогих местах. И вот уже крымская ночь – *Как в деревне под Пензой, и спешащий от курортных радостей к трудам и будням поэт радуется, что навстречу ...стелется мягко улыбка моей среднерусской земли.*

Александр Сытин – родной и любящий сын своего времени. Ему дороги приметы эпохи, и то, что в сознании русского поэта рождает самые светлые метафоры – такие, например, как эта: *Пионеров галстучное пламя / подожгло го-*

лубоватый двор. Образность поэтического видения Сытина вообще заслуживает отдельно го разговора. А некоторые небесные картины порождают строки, которые филолог-японист мог бы принять за творение поэта из Страны восходящего солнца: *Тучи грудятся/кровоподтёками.../Кто избил тебя, небо, ночью?*

«Кто избил небо ночью?» – вопрос, конечно, риторический. Но к людям поэт не обращается с вопросами, не требующими ответа – напротив, читатели ищут ответы на свои вопросы. И когда большинство из нас, доверчиво распахнув слух и душу, внимало «откровениям» перестроечной прессы, призывающей нас пересмотреть историю, перекроить «имперскую» географию, отречься от наших отцов, которые, оказывается, «не на той стороне сражались» в самой страшной войне XX века, поэт Александр Сытин не поддавался телевизионному и газетному зомбированию. В те дни он с любовью и нежностью писал об отцах: *Сколь ясности в них было, / простоты! / Как виделось им счастье в единенье! Счастливые слеп цы! Как вы чисты! Блажен, кто не дождался откровенья!* Здесь были бы уместны кавычки, ограничивая последнее слово этой строфы...

Творчество – понятие широкое, все объёмлющее. Александр Сытин творит не только в литературе. На вопрос журналиста, почему не пошёл в профессиональные литераторы, он ответил: «Считал, что поэт – не специальность, и надо уметь что-то делать, кроме писания стихов. Знал, что многие даже крупные поэты до революции жили и умирали в нищете. Да и в советское время жить на стихи могли только очень известные поэты... И вообще, необходимо скорей определяться в жизни, чтобы пополнить семейный бюджет. Нас у родителей было четверо, мать потеряла

здоровье во время войны... Я знал, что после института не останусь без работы и средств. Выбрал, что поинтереснее – физику, Казанский университет. Распределён был после университета в военный НИИ, связанный с ракетной техникой. Это была пора романтики освоения космоса. Даже просто сознавать свою причастность к великому делу было праздником. Есть у меня научные публикации, авторские свидетельства на изобретения, но не было стремления к должностям и званиям. Очень интересовали люди, участвующие в поисках неведомого. Их было много – в НИИ, на полигонах, предприятиях, в войсковых частях... Ещё больше интересных, талантливых людей узнал я в ЦНИИмаше. У меня есть пока неопубликованные рассказы – там описаны люди, с которыми приходилось встречаться по работе. До сих пор согревает ощущение себя одним из армии тружеников, создававших ракетную технику».

Да, Александр Иванович Сытин – инженер, исследователь, изобретатель – короче, «технар», как называем себя мы, работники ракетно-космической отрасли. И научно-техническая

мелодия время от времени вплетается в поэтическую симфонию. Поэт горд тем, что причастен к величайшим космическим шагам своей страны, и ему понятны слова Блока о стальных машинах, «где дышит интеграл». «Обе работы – инженерная и поэтическая – одинаково требуют напряжения мысли, но логика разная – и усталость разная. Что касается проникновения, оно неизбежно», – говорит поэт.

Уж это точно – проникновение неизбежно. Я это понял ещё в студенчестве, когда некоторые однокашники по Томскому университету – физики и радиофизики – «для хохмы» записывали стихами лекции профессоров. И получалось!

#«Подогревный наш катод Электроны выдаёт, И летят они оравой, Кто налево, кто направо, на анод. Если сетка на пути, электронам не пройти, и пространственный заряд возвращает их назад...» Конечно, уровень соответствующий, но главное, что хорошо запоминается. Сытину хохмы тоже не чужды, но о взаимопроникновении работы и поэзии он пишет серьёзно: *И, пожалуй, я горжусь, / в знания по верив, / что привычно нахожусь / в сонме инженеров, / что я к истине привык, в формулы одетой, / что понятен мне язык / тайнописи этой...*

Но ему понятен не только великий язык формул, которые содержат в себе истины гораздо больше, чем лукавые речи политиков и лживые строки рептильных журналистов. Поэту и технарю Сытину ведомы и языки природы. Когда-то меня поразила прозрачной, акварельной красотой его простая строфа: *«У кислицы лист сердечком, / Капля катится с листа. / Белый мост летит над речкой. / По мосту скользит состав».*

Это – взгляд на ближний мир глаза ми маленького мальчика. Но истинный поэт никогда не становится взрослым дядей. Как бы ни ругали Фрейда, прав был мудрый венский еврей, когда сказал, что не бывает случайных оговорок, обмолвок, отклонений от темы! Сколько бы ни писал Сытин о глобальных проблемах, о политике, науке, поездках отпускных и «по казённой надобности» – всегда его лирический герой возвращается туда, в его детство, где *«Скрипит коло дезный журавль / Мычит корова. Лает лайка / Пахучих дров растёт гора / Пила проворна. – Поспевай-ка! / Петух во двор ведёт гарем / Снегирь при праздничном наряде / уселся бойко на ограде...»*

И совсем нешуточно звучат его стихи, так и напрашиваясь на пародию: *«Поеду в деревню. Наймусь в пастухи. / Мне*

радостны вздохи коровы, / и скромный обед у ленивой реки, / и запах земли и моркови»... Кстати, о пародиях: лично я уверен, что легко пародируются только хорошие стихи. Не случайно у Сытина есть и его пародии на стихи товарищей по перу – это для них уже хорошая характеристика. Есть и автопародии, что также многое говорит об авторе.

Сотрудник головного НИИ ракетно-космической отрасли А.И. Сытин любит проводить отпуск в деревне, а если и остаётся в городе, то чуть ли не каждый день с утра уходит в лес. Но всё-таки он не крестьянин, не лесник, не пастух. Он – поэт и учёный, инженер-физик. А поэта и учёного объединяет не только одержимость творчеством, но и та рефлексия, о которой так прочувствованно сказал Александр Сытин: *«И вот од нажды развернув журнал / или газету пробежав глазами, / застонешь: ты не давно не сказал... / Ты мог бы лучше! / Но уже – сказали».*

Ну, что касается поэзии, то тут бес покойство автора этих строк напрасно. В стихах Сытина многое сказано так, что никто лучше не скажет. И если сам поэт гордится, что он находится в сонме инженеров и ему понятен язык тайнописи формул, то мы с вами, его читатели, в большинстве своём относящиеся к той же научно-инженерной среде, можем гордиться, что нам близок и понятен поэтический язык Александра Сытина.

Николай ДОРОЖКИН, член Союза писателей России.

Из книги «Открытость» (1979 г.)

«Шевелились воздух, речка...»

Шевелились воздух, речка,
травы синие у скал.
Юрким, тоненьким колечком
я прикинуться б желал.
Чтоб катиться и катиться,
Слушать, постигая, речь
трав и тварей
и светиться
ожиданьем
тайных встреч.

«Мои заботы часто хуже пытки...»

Мои заботы часто хуже пытки.
Как говорят, ни сердцу, ни уму.
А выход мал.
А устаю в избытке.
И недоволен часто потому,
спеша куда-то и решая что-то...
О, эти непокой и суета!..
Но отнимите у меня заботы –
и я – никто,
и жизнь моя – пуста.

«Ещё в молчании поля...»

Ещё в молчании поля.
Объяты сном и зверь, и птица...
Как ты беспомощна, Земля,
когда рассвет готов родиться!
Тревожен
этот хрупкий миг –
когда степной, лесной, озёрный
твой умиротворённый лик
доступен так
любому взору.
Как беззащитна и нага
в ещё нетвёрдом
чистом свете!..
Не дай судьба тебе врага
в минуты бережные эти...

Московская земля

Моя почти равнинная страна,
с нерезким взлётом и паденьем плавным.
Как грузная спокойная волна
по медленным просторам величавым.
Когда я озабочен и устал,
излечит раны на душе и теле
не искромётный, из-под скал, фонтан,
а родничок, пульсирующий еле.
Над ним склонишься – боязно дышать.
Доверчиво лицо его и ломко.
Несуетная в нём живёт душа,
прозрачная душа – как у ребёнка...

Открытость

Города городили ограды.
Города от врага береглись.
А деревни стелились рядом.
На зелёных лужках паслись

Города возводили крепость.
Лили ядра. И рыли ров.
А деревни – сеяли репу.
Рыб ловили. Доили коров.

И когда кочевники мчали,
и пылила, вопя, орда –
их сначала деревни встречали,
а потом уже города.

И кидали красавиц на крупы.
А дома их сжигали дотла.
И лишь трубы печные да трупы
означали: деревня была...

Я вхожу в деревеньку, доверчив.
Никогда я здесь не бывал.
Но желает здоровья встречный,
будто с детства меня знавал...

Сколько лет надо мною не минет –
отовсюду меня позовёт
полудетская эта наивность
и святая открытость её.

И, не пряча хорошую зависть,
у околицы ей поклонюсь.
И не в ней ли понятней сказалась
незлюбивая родина – Русь.

Доброта

Когда дневное пекло растворится,
а тени пахнут дымом и растут,
по-разному сошедшую на лица
на улицу выносят доброту.

Она на платьях, по-стрекозьи лёгких,
ладонях жёстких, медленных плечах.
Она свободно движется из лёгких.
И тало отражается в очках.

Исполнена высокого доверья
раздумья и спокойствия печать.
И доброта ложится на деревья,
на детские коляски, на асфальт.

И знаю я, что будут сниться лица.
И благодарен хитрости простой:
когда дневное пекло растворится –
идти и исцеляться добротой.

Среди людей

Я их встречаю всюду. Ежедневно.
И часто совпадает наш маршрут.
Они ведут себя обыкновенно.
Обыденно вопросы задают.
«Здесь занято?»
«Скажите, поезд скоро?»
«Который час?»
«Простите, Вы за кем?»
То к затяжному склонны разговору.
А то неразговорчивы совсем.
Они поспешно книжицу листают.
Подсчитывают что-то на ходу.
О чём-то, просветлённые, мечтают,
И морщат лбы от непонятных дум.
На лица их, на думы их помножен,
я становлюсь спокойней и сильней.

Толпа? Но обезличье не тревожит.
Я растворён, но не потерян в ней.

Запасный путь

Он долго строился, железный,
запасный этот путь. Давно.
Ржавели рельсы бесполезно.
И мокло шпальное бревно.

И только птицы прилетали.
Бродили важно среди шпал.
В какие брошенные дали
он звал? А может быть, не звал?..

Но вот однажды загудело,
невнятный выдало мотив.
И по нему большое тело
пронёс живой локомотив.

Потом по пригнанным суставам,
не сразу робость одолев,
состав затрясся за составом.
И лист осыпался с дерев.

И стали явственней на запах
железо,
масло
и мазут.
Шли на восток и шли на запад.
Куда везут?
Кого везут?

Кричали птицы раздражённо.
Бросались вслед – не отставать...
Сияли рельсы
воскрешённо,
не успевая
остывать...

Дитя человеческое

Мальш выходит в солнечное утро.
Он ловит пух,
смеётся стрекозе.
Он стёклышки разглядывает мудро.
Машину открывает на шоссе.

Он встретил червяка – и озадачен.
Пёс зарычал – и он уверен: съест.
Гроза упала молнией – и с плачем
Мальш бежит в спасительный подъезд

Дождь кончился – и он уж солнцу предан,
его тепло и ласку обретя.
Он маленький язычник. Дальний предок
мой – и опять же – кровное дитя.

Его лицо, как мамино, лучится.
Нахмурится – отцовские черты.
И только бы беде не приключиться...
Доверчив он. С неузнанным на «ты».

Пройдут и сто, и тысяча, и вечность.
Но будут повторяться без конца
и страх,
и любопытство,
и беспечность,
на мать похожесть
или на отца...

Вот он ползёт, мой сын, моё создание.
Вот синим взглядом маму узнаёт.
Вот колкость слова пробует гортанью.
И с четверенок медленно встаёт.

Он держится ещё за подоконник.
Ещё боится грома и огня.
Дикарь, язычник, доброты поклонник.
Через меня и – дальше, сверх меня...

Глаза

Бывали глаза узкими.
Бывали – речкой в разливе...
Бывали глаза грустными.
А стали – злыми.

А после, когда оттаяли,
когда подобрели,
неожиданно видно стало,
что – постарели...

«Такая тишина здесь и замедленность...»

Такая тишина здесь и замедленность,
и родственность живущих, и приветливость,
и солнечной сосной пропахший дом,
и стало – улицей. И верится с трудом,
что где-то есть суровые задания
и полигонов мрачный колорит,
и трудные минуты ожидания,
и не щадит неумолимый ритм,
и залегла неясная тревога,
и выспаться как следует – мечты...

А счастье в том,
что привела дорога
в раскрытые объятия доброты.

На ученье

У нас совсем, как на войне.
Ночь, перерытая огнями.
Осколков брызги по броне.
И грязь окопная под нами.
Нам третьи сутки не до сна.
Вокруг – и грохот и движенье.
И мы – во власти возбужденья.
У нас – обычная война.
И запах пороха.
У ног
ложатся гильзы, остывая.
Сухой приказ. Сухой паёк.
И на зубах – земля сухая...
У нас совсем, как на войне.
Но не в крови мои ладони.
Но только рядом друг не стонет.
И злость не копится во мне.

1960 г.

«Машины катят вдоль излук речных...»

Машины катят вдоль излук речных,
вдоль сонного мерцающего плёса.
И, любопытный, из низин ночных,
туман, теснясь, ложится под колёса.

Роса созрела. Говор затаённый.
Прожектор тянет жёлтое весло.
Сквозь дымку в небе
золото вошло –
как звёзды на погонах
запылённых.

«Сегодня выдался денёк!..»

Сегодня выдался денёк!
Под убивающим безветрием
при полной выкладке – бросок
почти на тридцать километров.
На зной и пот мы были злы.
Сушило рот. Сводило плечи.
Бежали, падали, ползли.
И окопались лишь под вечер.
И рота, заслужив привал,
уже над кашею потела.
И чай пахучий согревал.
И сладость
связывала тело.
Ну притомились!
Хлопцы спят.
Во сне порой
вздыхая тяжко.
И пахнут лезвия лопат
подсохшей глиной
и ромашкой...

На марше

Мимо вянущего сена,
мимо крика петуха,
мимо речки, где, наверно,
не дожётся нас уха,
мимо серых крыш на фоне
догорающих небес...
Старый сад. Деревня. Поле.
И опять – деревня, лес.
Тянет сыростью и мёдом
от гречихи и овса.
И огни родного дома
в наших светятся
глазах.

На картошке

Вприсядочку все дни,
К земле подавшись низко,
Попробуй-ка, найди!
И каждой поклонись-ка!
Попляшешь перед ней.
Поползаешь по грядке.
А ноги – всё больней
от этакой зарядки.
И ноет – ох! – спина.
И распухают пальцы.
А грядочка длинна.
Вприсядочку-то, братцы!..

Зато кладём в мешок
мы золотые слитки.
А полненький мешок –
как суслик любопытный.
Прислушался. Притих.
Их в поле –
сотни сразу.
Потом кидаем их
На трайлеры и МАЗы...
А кормят нас борщом
и тою же картошкой.
И хочется ещё
пожить вот так немножко...
Берёт озноб с утра.
В тумане поле влажно.
Потом печёт жара.
Потом лежим вальяжно
на берегу Оки.
А баржи мимо важно.
И в нас плывут гудки
призывно и протяжно...

Вечером в страду

Рыжеют вербы у реки.
И стадо пёстрое толпится.
И острым запахом ухи
и сонным ветром не напиться.
Под кручей катерок кричит.
Ещё куёт кузнечик жарко.
Пылит картофелекопалка.
За нею шествуют грачи...

Вот праздник!
На закате дня
гудят натруженные руки.
И входят, чёткие, в меня
картины, запахи и звуки.
И лес. И поле. И грачи.
И дым костра, седой и вкусный.
А вечер розов весь и чист.
И сочен – словно лист капустный.

«Поеду в деревню. Наймусь в пастухи...»

Поеду в деревню. Наймусь в пастухи.
Мне радостны вздохи коровьи,
и скромный обед у ленивой реки,
и запах земли и моркови,
и встреченный у родника человек,
и сладость рыбацкого дыма,
и стрекот косилки по пьяной траве,
и дождика тёплое вымя.

Счастливый удел – ничего не желать,
любя эти тропки копытья,
и в небо глядеть, и травинку жевать,
и делать без спешки открытья...

И пар поднимается с мокрой земли.
И ТУ протурбинил над лугом...
И молча внимают коровы мои
его остывающим звукам...

В голодный год

Военный год. Ни дать, ни взять
ни шкуры, ни мосла...
Но поросёнка как-то мать
с базара принесла.
Мы ликовали, я и брат.
Мы прыгали, смеясь.
Сосед-рыбак был тоже рад,
Кричал: «Вот это язь!»
А я топчан отвоевал,
чтоб ближе быть к нему.
И Борькою его назвал,
не знаю, почему.

Он по утрам меня будил
и почесать просил.
И я гулять его водил
и на руках носил.
Он всхрюкивал на зов «Борь-Борь...».
Совсем не ведал зла.
Но тут простуда или хворь
сердешного нашла..
Я рвал ботву ему, чтоб мять,
готовить на плите...
Но, видно, чтоб его поднять,
харчи были не те...
Он стал невесел, плохо рос,
худел день ото дня.
И о его судьбе вопрос
решился без меня...

Была голодная зима,
суровый год войны.
Но стали наши закрома
неслыханно полны.
В кадушке, старой и большой,
от днища на вершок,
лежал с отторгнутой душой
болезный мой дружок.
И был растерзан он, разъят
на тонкие куски.
И говорил мне старший брат:
«Ну что, малыш, раскис?
Смотри, какой устроим пир!
Бери себе шматок!»
Но я-то знал, что этот мир

предательски жесток.

Я часто вскрикивал в ночи.
Мне снился длинный нож.
На тёплой бабкиной печи
меня трепала дрожь.

Лечила бабка на углях,
чтоб порчу всю отвести.
И врач смотрел. А я всё чах,
отказывался есть...

И кадку жуткую потом
убрали из сеней.
И говорили шепотком
о том, что было в ней.

Память

В квадратном пыльном маленьком сарае,
на время отведённом под жильё,
от малярии долгой умираю.
И надо мной – одно лицо твоё.

Одно лицо. Да потолок и стены,
которые в разводах дождевых.
И по нему скользят тревожно тени
предчувствий и отчаяний твоих.

А я в себя вбираю, обессилив,
негромких слов врачующую связь:
ты мне слагаешь сказку о России,
о пензенской земле, где родилась...

Туда хочу. Лицо твоё двоится.
Ты шепчешь: «Будешь, сыночка, в раю.
Там яблоки, всё яблоки и – птицы».
Я понимаю: это в том краю,
в России. «А зачем же плачешь... мама:
Мне только... жарко... Ты мне ... говори...»

На юге умираю Казахстана.
И надо мной лицо твоё парит.

И до сих пор. Тревожно мне и странно.
В горячечной, нестойкой тишине
та давняя, не нынешняя мама
является, печальная, ко мне.

Могу ли я назвать тебя старушкой,
когда в лихую пору, в забытии
всплывают над измятою подушкой
глаза, которым нет и тридцати...

Весть о победе

Мальчишку распирает весть
и не даёт ему покоя.
Какая радостная честь –
нести известие такое!

Весть колокольцем бьётся в нём.
Он всем готов её поведать.
И он стучится в каждый дом:
«Победа! Слышите? Победа!»

И льются семьи из ворот –
в улыбки, слёзы и объятия.
И возникает хоровод
из обновлённых лиц и платьев.

И появляются на свет
прибережённые сквозь годы
юбочки под весенний цвет
и туфли довоенной моды...

И через праздничный содом –
ликующий мальчишка малый.
Как будто он, как будто он
устроил праздник небывалый!

Плач

Не горек плач от детских неудач.
Светла, нетяжела слеза при встрече.
Но страшно слышать
женский громкий плач,
когда от слёз и голоса – не легче.
Когда не отогнать кошмара сна.
Когда уже нельзя переиначить...
Так плакать
может женщина одна.
Я с детских лет страшусь такого плача.
И слышу до сих пор издалека.
И женщина в снегу, полураздета.
И нервно сотрясается рука,
зажавшая армейскую газету...

Земля

Пассажирский салон.
А за тонкой обшивкой
сквозь прозрачность сентябрьскую
атмосферы
незнакомо-знакомо,
пестро и обширно
проступает Земля.
В капиллярах и нервах.
И молчит.
И морями глядит настороженно.
И огромно, и мудро
что-то решает.
И вздуваются горные цепи, похожие
на извилины мозга
больших полушарий.

«Вершатся дерзкие дела...»

Памяти Владимира КОМАРОВА

Вершатся дерзкие дела.
Но нет гарантий от несчастья...

Вот сына возвратит Земля
в свои смертельные объятия.
И миллионно вспыхнет крик.
Планета заскорбит по-русски.
И чьё-то сердце в этот миг
не выдержало перегрузки.
И чей-то плач.
И чей-то стон.
Как трудно эту ночь осилить!
И медленно восходит он
над опечаленной Россией...

И сквозь бессонницу скорбей,
став за ночь собранней и строже,
дорогу выберут себе
мальчишки –
взлёт его продолжить...

«Земля во власти ожидания чуда...»

Земля во власти ожидания чуда.
И странно,
и кощунственно почти,
что посреди предпраздничного гуда
лежит больной.
Его нельзя спасти.
Что кто-то погибает на заданье.
Что кто-то под колёса попадёт.
И что под чьи-то горькие рыдания
божественно приходит
Новый год.

Сердце

Неудержим, как горная река,
он времени не знал в себя взглядеться.
И, почитай, почти до сорока,
смеялся он:
«Оно какое – сердце?»
Но в яростной дискуссии одной
он ухватился за сердце рукою.
Пол ускользал, туманилось окно.
И мысль взошла:
«Так вот оно какое!»

«Состарилась у гроба: слёзы душат...»

Состарилась у гроба: слёзы душат,
а следом – безразличье настаёт.
А давний друг – тоскливо равнодушен.
Не зная, что сказать, кепчонку мнёт.

Он неприязнь к обряду не скрывает.
Уж этот ему траур! Этот плач!..

И вот уже трясётся на трамвае –
не опоздать бы на футбольный матч...

Конечно, много мёртвому не нужно...
Кепчонку скинь на несколько минут...

Но если это называлось дружбой –
то что ж тогда
предательством зовут?..

Папы

Как хрупко тельце сына моего!
Как тянется к защите он, доверчив,
от холода, от боли, от всего,
что страхом надвигается на плечи!

А мы вот уезжаем.
Много раз.
От маленьких ласкающих ладошек,
От тёплых щёк.
От любопытных глаз.
От смеха Ленок, Димок и Алёшек.
Чтоб где-то там, за тридевять земель,
такую нежность ощутить внезапно,
такую грусть –
что можно онеметь,
не ринувшись на юг или на запад...
Бежит за ворот мокрая вода.
Деревьев не видать за мокрым дымом.
Но папы возвращаются
всегда
и к Ленкам, и к Алёшкам и к Вадимам.
Огни, огни. В горах и в городах.
Бессонниц много есть на белом свете.
Да, папы уезжают иногда –
чтобы понять,
как дороги им дети.

РИТМЫ

Глаз не радует простор,
серый, заунывный.
Вечер ливни распростёр.
Над степями – ливни.
На оконное стекло
призраки осели.
Поезд давит на крыло
серой карусели.
Ощутимый ровен пульс.
Ровное дыханье.
И усну я и проснусь
в ровном колыханье...

Возвращение с юга

Ненастье и степи. Хотя б мелколесье!
Хотя бы хилое, на ржавых кочках...
Подо мною жалуются, стонут рельсы –
и вечер весь, и в бессонницу ночи.
А утром – солнце. И нет степей.
Покатые рыжие крыши.
И ветер на этих широтах теплей.
Хоть к северу, в общем-то, ближе.
И речка. И мост, задыхаясь, гудит..
И, словно из детства записка –
Мальш. И подлещиков низка.
И дрогнуло вдруг,
и забилося в груди
прозрачным осколочком:
«Близко!»

«Я бродить по траве и листве не отвык...»

Я бродить по траве и листве не отвык.
И пока не потерян настрой –
разуметь голубой и зелёный язык
и вдыхать шампиньонный настой.

Где доверчивость звука, движенья, мазка,
где игра и любовь – не таясь,
там немыслима скука и странна тоска,
страх не помнится небытия.

И не хлынет однажды отчаянья муть
и естественно
где-то в пути
не проститься, не выпасть,
а словно уснуть,
в эти стебли и в цвет
перейти...

Первый снег

Не обходя своим вниманьем
ни крыш, ни скверов, ни дорог,
он откровеньем,
обещаньем,
доверьем лёг
у ваших ног.
И вы, на искренность настроясь.,
лицом и мыслью прояснев,
спокойны, если ваша совесть
чиста,
как этот первый снег.

«Снег качается на стропах...»

Снег качается на стропах.
Снег кончается
на тропах.
На лыжне.
На спицах просек.
На пеньках. На лапах сосен.
Свил гнездо, прилежен, мирен,
в мирном море, в белом мире.

В светлом конусе окошка
низколобенькой сторожки –
бьются белые войска,
вьются пчёлы у летка.

...Зажигает звёзды вечер.
В небесах молочный след.
На душе улёгся ветер.
Мягкий снег.
Ровный свет.

«И вот запахло тополями...»

И вот запахло тополями...
А прежде медлила земля.
А прежде сомневалась что-то,
апрель меняла на октябрь,
о чём-то сожалела слёзно,
рядилась в скучные тона.
И вдруг – запахло тополями.
Но прежде – долгий майский день
текло сиятельное солнце.
А после в «классики» сыграл
весёлый дождик на асфальте...
и вот – запахло тополями.

Заря

Пробежала босыми ногами
заискрившимися лугами.
Загляделась в притихшую речку –
искупалась в парном молоке.
И забила под ловкой подсечкой
в загорелой ребячьей руке.

Приятели

Два дерева возле дороги –
Друг к другу вершины склонив.
В тумане
их длинные ноги,
папахи зелёные их.

И издали кажется:
встреча
приятелей старых.
И вот –
друг к другу приближены плечи.
А время плывёт и плывёт.
И дым сигаретный струится.
Забыты семья и дела.
Волненьем отмечены лица.
Доверье меж ними
и лад.
Забот у них будто
не много.
Ждут женщины будто
не их...
Мужской разговор у дороги.
Касается
только двоих.

Пей, земля!

Наконец-то дождь ударил!
Дождь ударил в барабаны.
«Отряхнись, земля, от пыли!» –
тонкой струйкой прозвенел.
Ухнул басом контрабаса.
«Остудись, земля, от жара!
Пей, земля!»
И пискнул мышью.
Заурчал котом довольным.
Квакнул радостной лягушкой.
Воробьём чирикнул.
«Пей же!
Распрямись, трава сухая!»
Зажурчал ручей по полю
тонко, жарко, как кузнечик.
Листья хлопают в ладоши.
Пьёт земля.
Живёт земля!

В земляничных лугах

Лес, словно губка, втягивает темень.
Аж чёрен. А луга ещё ясны.
Но скоро и они уже тесны.
Сухим теплом спокойно дышит камень.
Но вот и он уже теряет лик...
Я упаду, раскинув руки длинно.
Горячий земляничный сок земли
начнёт спокойно впитываться в спину.

Сентябрь

Горит восток осиновым листом.
Лесной настой живительнее чая.
Во мху, за пнём, ореховым кустом
сентябрь тишайший таинством встречает.
Прекрасная дорога наугад!
Здесь всё так неожиданно и ново!
Вот к деревеньке выводок опять
торопится от зарослей ольховых.
А здесь над шляпкой розовой склонюсь
и поднесу,
сдержав дыханье,
руку.
Отличья шляпки знаю наизусть.
Влажна она на ощупь и упруга.
Но стоит отвести в сторонку взгляд –
и праздником нечаянным одарят
головки шоколадные маслят
и сыроежек синие медали.
Какие краски выложил сентябрь!
И листья, лаской позднею пригреты,
как бабочки-лимонницы летят
на эти разноцветные береты.

«Вот когда я на пенсию выйду...»

Вот когда я на пенсию выйду,
отдых дам и душе и уму,
я, конечно, забуду обиды
на судьбу, да и зависть уйму.

Я пойду по сморчковым апрелям,
по черничным июльским краям,
по пеньковым опёночным прелям,
на метельный призыв октября.

Я, бродячий, свободный, безвинный,
не желающий лучшей игры,
торговать буду нежной калиной
до ноябрьской подснежной поры.

И на стёртых прилавках базара
разложив дорогие дары,
опалённый осенним пожаром,
я скажу: «Подходи и бери!
Не стесняйся, мне денег не нужно.
Слышишь, сколько я леса принёс?
От меня пахнет солнечной стружкой –
это жёлтые листья берёз.
От меня
пахнет груздем-чернушкой
и брусникой – хоть пробуй на вкус!
А на мягкой и рыжей опушке
мне орехи пожаловал куст.

В волосах и бровях моих ветер,
что у ног увивался осин.
А какого я белого встретил!
Ты уважь меня – ты расспроси...»

А старик, сизоносый и ржавый,
что с грибами торчит круглый год,
зло сверкнёт на меня и, пожалуй,
отвернувшись,
меня проклянёт...

«В аннотацию загляну...»

В аннотацию загляну.
Полистав, оценю: «Годится».
На прилавок уже не верну.
В книжный шкаф мой ляжет пылиться.

Пробегу глазами стишок.
Тонкий трепет поймаю строчек.
И порадуюсь: «Хорошо...»
Этак походя, между прочим.

Всё – на завтра, на «после», «потом» –
в обещание светлого пира.
К факту – фактик и к томику – том.
Обрастай ожиданьем, квартира!

Ах, каких наслаждений гора!
Вот наступит время безделья,
И начну я с утра до утра
поглощать это чудное зелье...

Будет время – и доберусь.
Окончательно разберусь.
Прочитаю, что захочу.
Разгляжу. Изучу. Заучу.

Будет время... Вот будет время...

«Когда над землёю летаешь...»

Когда над землёю летаешь,
взираешь на мир с высоты,
мне кажется, что обретаешь
божественный мир доброты.
Так всё с высоты откровенно,
мало так
и обнажено,
что сердце твоё непременно
отцовской тревогой полно.

И хочется ринуться сверху,
прикрыть своим тонким крылом
и пашни, и горы, и речку,
и город, где мирно живём.

Энергия

Растёт цветок.
Из солнечного спектра
он выбрал цвет. И радуется глаз.
Подсолнухи ломаются от ветра.
Бьют родники.
И вспыхивает газ.
Гремит гроза, пропахшая озоном.
Дымит труба. Несутся поезда.
И бабочка порхает над газоном.
И соки устремляются
к плодам.
Под пальцами рождается элегия.
С улыбкой лепит первые слова
дитя.
Мир жив, покуда есть энергия...
А я живу – покуда мысль жива.

Из книги «Тревога» (1990 г)

Памяти безымянной деревни

Скопирован крапивой контур дома.
Площадка возле – двор когда-то был.
Но до сих пор всё жмутся к ним знакомо
деревья, тропки, редкие столбы...
Труба печная... Нет, не от пожара.
Ушли сначала дети. Кто куда!
Привычных вёдер тщетно ожидала
в колодце застоялая вода.
В полях всё васильки. Да молочаи.
За хлебом – в город.
«Эк настала жизнь!»
На письма всё ж обиженно молчали.
Потом перекрестились – и снялись...

Там всякие.
Выдумывают плазму.
И вкальвают просто за рубли...
Как мало не поддавшихся соблазну,
сумевших не отречься от земли!

Хозяйским обойдённые вниманьем,
сутулясь, чахнут яблони в саду...
Начало ли, конец повествованию?
Но я и там ответа не найду,
где, раненые памятью о лете,
ещё держа глазами васильки,
накормлены, при тёплом туалете
тоскуют о деревне старики...

Липа на проспекте

Заботу о ней
проявляют.
Укрыли в асфальт провода.
Из шланга её поливают –
журчит по асфальту вода.

Под ствол, асфальтом зажатый,
кладут удобренье: расти!
Есть шефы – из школы девятой.
В чести у них липа. В чести.
В достатке и солнца, и влаги...
И, сил животворных полна,
цветы, как победные флаги,
в июле раскрыла она...

Но только... Не будет похожих.
Асфальт неподатлив и груб.
Слетают под боты прохожих
созревшие шарики. Хруп!
И листья слетают урочно
на мокрые чьи-то следы...

И запах забылся цветочный.
И смыло с асфальта плоды.

И словно какая-то малость
ушла из её красоты.
И словно в ней что-то сломалось.
Весна. Но унылы листья.

И снова цветения время.
Но что ей цветы без числа,
коль некуда сбрасывать семя,
чтоб новая жизнь проросла!..

Яблоня

Её к земле тянули яблоки.
Струились трещинки ствола.
И вот с колен подняться на ноги
она однажды не смогла.

Но снова цвет держала бережно,
как бы приподнятая им.
И вновь цветка не стало белого.
А стал он шалом наливным.

И вился аромат над кроною.
Не замечал случайный взгляд
ствола уродливого, чёрного.
А видел: яблоки висят.

Сгибалась медленно до осени.
Как снегирей пылала стая...

Пока не вызрели – не сбросила.
А после рухнула – пустая...

Через тысячу лет

При самой удаче великой
(Не вспыхнет большая война.
Спасусь от болезни столикой.
Не тронут огонь и шпана.
Удастся сберечься от зелья.
Меня не завалит безделье.
Не высушит зависть. Иначе –
минует любая напасть)...
При самой великой удаче
мне в эти года
не попасть.

Зачем же я взглядом тревожным
опять и опять загляну
в тот край, для меня невозможный,
в запретную эту страну?
Враждуют ли там? Перестали?
Как нервничают города?
И чист ли там воздух?
Чиста ли?
Жива ли речная вода?
Слышна ли там песня удода?
Не вымерли
кобра и волк?
Зачем мне такая забота?
Ведь я же
навеки умолк.
Давно погрузился в потёмки...
Но острые щупальца глаз,
ещё не родившихся, странных
(потом они будут – потомки)
тревожат из далей туманных:
«Ты помнишь,
ты помнишь о нас?»..

Тайны

А в мире тайн всё меньше.
Разве диво?
Теперь так модно открывать секрет!
Покровы с тайн срываются ретиво.
Чему вы удивляетесь? Их нет!
Их нет, чудес!
А в цирке – просто фокус.
А книжку эту написали ТАК.
А ТАК кино рождалось.
Очень просто!
Как страшно всё!
Как всё тоскливо просто.
Ведь верил в чудо маленький чудак!

А сердце-то – одни желудки эти...
Душа? Да просто выдумал поэт!
Всё просто!
Просто происходят – дети!..

Вот-вот...
А тайны кончатся на свете –
какой тоскою выстудится свет!..

Награда

Не довелось – во главе парада.
Работал, где скажут, что дадут.
Но вот и ему досталась награда –
медаль за доблестный труд.

Вот в полдень в цехе народ и собрали
по случаю по сему.
И поздравляли, и руку жали.
И хлопали. Как не ему.
Он плохо видел, неважно слышал.
Стоял в голове гул.
Потее, он к микрофону вышел –
как будто с обрыва шагнул.
Толпа столикая в дрожь бросала.
Горло сковал испуг.
Но что-то, горевшее в полнакала,
вспыхнуло в нём вдруг.
– Товарищи, я говорить не умею.
И в хоре я не пою.
Я две вот этих руки имею.
И голову, значит, свою.
Спасибо, страна мой труд разглядела.
Большое значенье – медали.
Но если руки скулят без дела –
на кой, извиняюсь, дали?..
Нет, говорят, сырья на детали.
Мы все невиновны вместе.
Тебе же двести нарисовали?
Ну да... Только я не про двести.
А если и ТАМ так медали дают?
Показывать не устали.
Ведь сколько металлу! И льют, и льют!
Ведь каженный день медали!..

Конфуз получился. Задумался зал.
Замглавного вывел из спячки.
– Пал Палыч скромненький, – с улыбкой сказал. –
И чист, фигурально, как мальчик.

Похлопали. Руку пожали. Сошло.
Качало его – как «под мухой».

А после мастер назвал «ослом».
И пальцем крутнул
над ухом...

«Выходит, человека проглядели...»

Выходит, человека проглядели...

Вдали от сына умирает мать.

Устала ждать.

Пустынно у постели.

Сын не придёт её поцеловать.

Не назовёт, как в детстве.

Не заплачет...

А сын – на зависть!

Говорлив.

Лобаст.

Да недосуг.

В заботах весь.

В удачах...

Но о таком не скажешь:

«Не предаст».

«Кто эту тысячу приговорил...»

В результате утечки газа из магистрального газопровода под Уфой взрывом были сброшены с рельсов и сгорели два встречных пассажирских поезда, в одном из которых ехали на отдых дети.

Кто эту
тысячу приговорил?
Кровью и пламенем
ночь одарил?
Кто уготовил горящие дали,
ад про которые помнит едва ли?
Чьи они, чёрные трупики эти?
Чем, перед кем провинились дети,
радость которым сулила езда
в мирных (мгновенье назад) поездах?
Что это было? Рок? Святотатство?
Кара, доставшая сквозь облака?
Наше извечное головотяпство?
Или преступная чья-то рука?

Как ни ответь – утешенья не будет.
Боль умирающих
разум сечёт.
Так неужели беда не разбудит,
чтобы себе
предъявили мы счёт?
Сколько трагических прецедентов
Память выстраивает
вдоль пути!

Так через сколько ожоговых центров
надобно совести нашей пройти?

Винтик

Жил человек, из кожи лез, трудясь.
В авралы поднимался из постели.
Ни дачи, ни машины отродясь.
Зато жена ушла. И облетели
кудрявые и буйные волосы.

Икра? Да что вы? Твёрдой колбасы
на мог достать. Он честен был и скромн.
С зубами плохо. Так-то был доволен.

А много ли нажи2л? Вот язву – нажил.
Да мало по2жил. Ну, не повезло.
И всё-таки он белый свет уважил.
И, злом помятый, не смотрел он зло.

А в честь его – ни радио, ни медь.
Но как живуч! Не перевёлся ведь!
Другой – в прорыв!
(Даруй, судьба, удачу!)...
О «винтик» наш!
Люблю его. И плачу.

Чернобыль

Такое солнце яркое светило!
Такая благодать по земле плыла!
Атели мальвы.
Жарко суетилась
на колесе подсолнуха пчела.
Медовым соком наливались груши.
На грядке
выгибались огурцы.
И, крылышек упругость обнаружив,
взлетали
неуклюжие птенцы...
Нет, не о том моей душе страдалось,
что всюду ожидал меня искус –
но всё, что щедро глазу открывалось –
ни в руки взять,
ни испытать на вкус...

Нет, не о том...
«Да-да, и в самом деле.
Ну, драма. Но кончать пора бы с ней.
Потери, в целом, в общем-то, имели.
Но самолёт упал – и то б страшной.
Ведь всё-таки живётся здесь,
живётся...»

Всё так,
когда б не принимать в расчёт,
каким ещё уродством отзовется?
Какой неожиданной смертью потрясёт?

Вера

Старушка ковыляет.
Сутула. Ноги скручены.
Мужской пиджак.
Косыночка на серых волосах.
Её ручки тонкие –
как старые уключены.
«Я спорчена, родименький, –
призналась мне в слезах, –
Оборотился ласковым...
От колдовства антихриста,
от взгляда приворотного
сберечься не смогла»...
А ветер небо светлое из туч кудлатых
выпростал.
Но из леса топорщилась
ознобистая мгла.

«Иду забыть нечистого
и исцеленья выпросить».
Худые туфли шаркают.
И посошок стучит.
Себя нетрудно выплакать.
Себя легко ли высказать.
То слово скажет горькое.
То снова замолчит.

«А как же дальше, бабушка?
Асфальт удобный кончится.
По грязи –
и в резиновых не добрести, боюсь»
«А дальше-то, родименький?
Дойдешь, коли захочется.
Разуюсь. Поползу. Не то – катком,
но доберусь».
И столько заплескалось в ней
и дерзости и ярости,
что тотчас и привиделось,
как через топь ползёт...
Шуршит,
спешит улиткою,
не ведая усталости,
в коряжистый распадок, где
святой источник бьёт.

– А помогает, бабушка? –

«Да, милый, как молоденька.
На месяц прячу палочку...
Кады бы без греха...
Мне мнится: вновь бегучая
и личико смородинкой.
А не пойдёшь к святому-то –
куды уж как плоха...»

Низинными туманами,
дождём,
осинным золотом,
размягшими дорогами
сентябрь на землю лёг.
Представил я купальщицу –
стянуло кожу холодом.
Сказал: «А ведь простудишься!»
«Бог милует, сынок!»

Конечно, я начитанный.
Я понимаю правильно.
Спасение в движении – известно
мне давно.
Но перед этой верою,
неистребимой, пламенной,
бросающей в движение –
склоняюсь всё равно.

Мы – все! – без ВЕРЫ можем ли?
Мы ею жизнь проверили.
Судьба как ни куражилась –
а были спасены.
Когда в себя мы ВЕРИЛИ.
Когда в победу ВЕРИЛИ.
И в святость дела нашего.
И дружбы.
И жены.

Я рад,
что тайны держатся.
Что вера неубитая
и дух, и тело брэнное
стремит и вдаль, и ввысь.
Покуда живы таинства –
обещаны открытия.
Покуда ВЕРА светится –
неистребима ЖИЗНЬ!

«Улыбкой и взглядом касалась...»

Улыбкой и взглядом касалась.
Стремилась во всём угодить.
Себя не жалея, бросалась
от всякой беды оградить.

Всё лучшее – сыну, невольно
желанья в себе укротив.
Дрожала, когда ему больно,
стократную боль ощутив.

Её неуёмной тревогой
его настигало в пути.
И даже опасной дорогой
Ему удавалось пройти..

Как будто она управляла
и взглядом, и взмахом руки.
Как будто она направляла
родные сыновьи шаги.
С дорогой сыновьей и делом
держала незримую связь...
А сердце в тревоге – болело,
от болей
слабей становясь.

Когда ж оно вовсе устало,
покой обрело навсегда –
тревоги за сына
не стало...
Тогда с ним
случилась беда...

«Кто ждёт с такой неистойвой надеждой...»

Кто ждёт с такой неистойвой надеждой,
как сына ждут родители, хотя
давно ль они сознание теряли
над горсткой свежевспененной земли?
Но это было, видимо, во сне.
Жестокий сон. Приснится же такое!..

Вот-вот его послышатся шаги.
Чу! Вроде дверью стукнули внизу.
Шаги...
Но больно тихие.
Он громче.
Стремительней!
Летит, как паровоз.
А вот уж точно он! Его походка...
Нет, не дошли.
Чужие...

Замерев,
дыханье затаив, полуживые,
все обмирая, ждут и ждут.
Всё ждут...

Эхо

Они не видели войны
и смутно знали по рассказам.
И плохо слушались они
надоедающих наказов
«Не лезь!».
«Не трогай!».
«Не кидай!».
Хотя, случалось, были биты...

За старой мельницей вода
ржавела в я ямах ядовито.
В грязи застрявшая свеча
на дне мерцала желтовато.
И мальчик, радостно крича,
её достал: «Моя граната!».
Босая гвардия мальцов
у ямы тинистой толпилась...
И любопытных глаз кольцо
до самой улицы катилось..
(Плыл полдень
сытно
над землёй.
Страда.
Поспела озимь.
Вдруг он свечу – над головой.
«Ложись!» – и тут же оземь.

И лопнул воздух. Горестно и красно.
И взвился крик. И медленно угас.
И мир стал таять. И сходила ясность
с его, навеки удивлённых глаз.
И девочка недвижная сидела,
глядела и не плакала – а так
сидела и глядела, и глядела.
И лепестки ронял махровый мак,
на платице разорванном проросший –
сквозь двадцать лет
преданий о войне.

И болью перехлёстнутая площадь
в предкриковой
застыла
тишине...

Земля полигона

Над нею бушуют смерчи.
Над нею толпятся смерти.
Неистовый огненный шквал
все краски и звуки попрал.
Не сыщешь живого места.
Наполнится громом окрестность.
И – вспышка.
И вскинется рвано
над старую – новая рана...

Растаяло
эхо
ада.
И болью в ушах – тишина...
И вдруг,
как нежданная радость,
пробуждение от дикого сна,
как утоление жажды –
кузнечиков скрипки.
И даже.
серебряногорлый солист
над ржавым простором повис.
И труженица пчела
за край роковой проплыла.
И серая юркая мышь
поверила в чуткую тишь.
И заяц рванул и исчез,
где тих искалеченный лес.
и снова ведут муравьи
в ту землю дороги свои...

Порхают, ползут и летят.
Не помнят ни зла, ни обиды
влюблённых,
певцов,
работяг
бессчётные классы и виды...
Тревогой осталось во мне:
камней опалённых усталость,
но шествует жизнь по земле,
где рыжая смерть
потешалась...

Без вести

Без вести пропавшие.
Не сыскать следа.
Чьей добычей ставшие?
Где? Когда?
Иль болота предал
зелёный оскал?
Иль шакал отведал?
Огонь ли заласкал?

В чьих остались лапах?
В полдень или в ночь?
Некому – оплакать.
Некому – помочь.
Некому склониться
низко до земли...
Чем вы провиниться
перед – кем могли?
Для кого вы грешные?

Гонит над землёй
души безутешные
жуткий непокой.

Негде приземлиться им.
Им могилы нет.
Долго ль рассердиться им
хоть на целый свет?

Бродят души бедные.
Радость им – невмочь.
И огнями бледными
напугают в ночь...

«Ах, как много вас...»

Ах, как много вас,
белые мячики,
мягколобые одуванчики,
поседевшая голова!
А вокруг
так и прёт трава!
И цветы только-только высыпают
и кузнечики вспенят дни...

И качать черепами лысыми
одуванчики будут
одни...

Облака

Спокойны. Величавы. Безупречны.
Лежат.
И искушенье велико –
Нырнуть без парашюта
в эту млечность
блистательно чистейших облаков.
Их доброту, их мягкость ощутить.
Потрогать скалы белые и башни.

Здесь столько света,
столько чистоты –
что среди них
и умереть не страшно.

Ты

Простые есть слова. Электроток
пройдёт по жилам – стоит только тронуть.
Слова, что спирта чистого глоток.
Слова, что проходимее нейтронов...

«Простите, Вы?
Нет. Ты? Вспомни. Студенты...»
И дрогнул алый обветренный грот.
И время быстрее магнитофонной ленты
вдруг стало раскручиваться наоборот.

Ты?!

Является яви крушение.
Быль торжествует, светло волнуясь.

Ты?!

О прекраснейшее из воскресений –
возвращение в общую юность!

Ты помнишь? Ты помнишь?

(Вот сладостный яд!)

Витают

в таланты влюблённые Музы.

И мудростью искристой сыплют друзья,
начинённые солнцем, как арбузы...

Ты помнишь?

И город встаёт. Рассвет.

Улицы розовы, словно младенцы.

Ты помнишь?

Знаки магов. Конспект.

Высокое напряжение лекций.

Ты помнишь?

И выплывает сквозь туманы скользкие,

сквозь белоснежную карусель

наше личное,

комсомольское

общежитие номер семь.

Святым радушием его

не пренебрёг ни разу я.

И дом встречал, как своего,

улыбкою стоглазую.

И доверял. И принимал

доверье,

понимающий.

И меланхолию снимал

столикостью товарищей...

И я наверняка к тебе приду.

Я весь в тебе,

глаза мои и уши.

И я бреду
в малиновом бреду,
промытую готовый вынуть душу...

Ах да, прости. Пора расставаться...
В разные стороны нам грести...

Разреши,
дай счастье мне –
через десять, двадцать –
назвать тебя вновь удивительным –
ТЫ?

Немота

Я травы мну.
Я запахи ловлю.
И вдруг – бессилье, радость подминая.
Цветут. Лепечут. Пенятся.
Люблю.
Люблю их всех. –
А имени
не знаю.
В ущельях камни странные пестры.
Весной вскипают травами пустыни.
И крики птиц влюблённы и остры.
Но слова нет. – И восхищенье стынет.
Не так я жил.
Постиг движенье я.
В протоны углублялся
и столетья.
Но ускользает от меня земля
со всем своим земным
великолепьем.

«От жизни мне надо немного...»

Е. Вороницу

От жизни мне надо немного...
В начале июльского дня
вела бы лесная дорога
вдоль солнечных сосен меня.

Чтоб солнце приятельски грело
приятелям давним двоим.
Чтоб сочная ягода зрела,
манила величиьем своим.

Чтоб травы дышали густые,
сняли заботы легко.
И чтобы встречать не пустые
корзины в руках грибников...

Опоздание

Обычно поезд трогается первым.
И вспархивает
вслед ему
рука.
И напряженье покидает нервы.
И тело словно ватное слегка.
И пустота приходит бестолково.
И пестрота не радует глаза.
Тогда всплывает
и пронзает слово,
что не сказал,
а надо бы
сказать...

Моя муза

Домой с работы прихожу.
И это словно значит:
В руках уставших приношу
часов вечерних сдачу.

И с этой сдачей должен я
стучаться в двери рая,
где Муза робкая моя
опять одна
страдает.
Я понимаю: каково!
Весь день терзайся скукой
и жди уныло одного
прислужника науки.
К чему ей этот хилый чин
и жалкая зарплата?
«Ах, не такого из мужчин
желала я когда-то!..
Что нищей, крохи мне несёт
минут своих (как лестно!)
О, боже мой! И это – всё,
на что нам жить совместно?
Выкраивай на смех, на грусть,
восторги откровений...»

И я... я каждый день боюсь:
изменит мне... изменит...

Из книги «Время московское» (1999 г.)

Заложники

«Потонула Россия в долгах...»

Потонула Россия в долгах.
Все должны – рассчитаться не в силах
И стоят поезда на путях.
И мартены огонь погасили.

Нет зарплаты – полгода и год.
Слёзы – были б – текли бы рекою.
Страшный мор по России идёт,
направляемый чьей-то рукою.

Нет, не ждите, не дрогнет рука,
счёт не кончится нашим утратам.
Геноцид не исчезнет, пока
не поднимется Русь под набатом...

1998 г.

Паук

Воспалённый мозг мой, словно рана.
Мысли-коротышки в ней кишат.
Вот иду на фабрику
рано-рано
среди сотен невыспавшихся девчат.
Как поднимал девчонку с постели
не отменённый ещё гудок!
Словно ветер, денёчки мои летели.
За годком пролетал годок.

Как старалась я! Как горела!
Не сытно ела, не вволю спала.
Но зато благородную цель имела,
которая цепко меня вела.

Три станка? Можно пять?
Можно ж десять!
Из-под станков – полотна река!
И орден успела на грудь повесить.
Только не стало в ней молока.

Где я молодость проглядела?
Узорчива ткань моя и тонка.
Но руки мои, и глаза, и всё тело –
только придаток моим станкам.

Как отлепиться мне от потока,
тягучего этого, как смола?
Долг? Но это же...
Это жестоко!
Всю жизнь обману я отдала.

Я перед жизнью чужой немею.
Я только с виду такая, как все.
Я же паук!
Что ещё я умею?
Тку. Только тку! Наяву и во сне...

1990 г.

Родное

Стёкла выбиты в вагоне
И обрезаны сиденья.
Свет не дали. Свищет ветер.
Мокнет иней под щекой.

Всё знакомое до боли.
До стеснения дыханья.
После штурма электрички.
Все не ропшут. Все – свои...

1990 г., декабрь.

«Рыдает безутешно мать...»

Рыдает безутешно мать.
«Не верю ни во что!»
послали сына умирать,
не ведая, за что.
какие нам они враги?
А сын-то был влюблён.
Он не хотел стрелять в других,
таких же, как и он.
Но на войне как на войне,
где пули есть – без глаз...
По дури чьей, по чьей вине
он получил приказ?
Ну, не того же обвинить,
кто спуск успел нажать...

«Груз 200» – скорбный груз войны
теперь получит мать...

Сёстры милосердия

Всего страшней, пожалуй, было сёстрам,
тем милосердным, девочкам почти,
которым под огнём, кинжально-острым,
досталась горечь – с раненым ползти.

На кровью пропитавшейся шинели
Тянули, плача, от разрывов прочь.
И не от пуль их волосы седали –
от частого бессилия помочь...

«Какие слепые силы...»

Какие слепые силы
ввинтили в слепую борьбу!
И скольких они покосили!
И скольким сломали судьбу!
И вслед революции грозной
за шквалом идущий шквал,
сминая кучи навоза –
и золото душ разметал...

«Кровавые следы хмельных колёс...»

Кровавые следы хмельных колёс.
Тенёта ЛЭП сплелись над головами.
Пошёл реактор атомный в разнос –
и смерть опять маячит рядом с нами.
Где ни ступи – везде её коса.
А умереть достаточно и раза.
Не понял, как попал на небеса –
взорвавшись или наглотавшись газа...

«Нет, на Земле людей не миллиарды!..»

Нет, на Земле людей не миллиарды!
Совсем их мало, истинных людей.
А прочие – лишь оборотни злые,
от тех зверей, что жили на Земле,
но были человеками убиты,
а кои – вовсе были сведены.
И вот те звери на Землю вернулись,
но в оболочке, ясно ж, человека –
чтоб, значит, их уже не изводили.
И обозлились – потому и злые
теперь живут, а в шкуре-то людской...

О свободе

Я свободный человек.
У меня свободный выбор.
Или – наскребу на булку,
Или – просто голодать.

Я свободный человек.
Я работаю на стройке.
Или я раствор таскаю.
Или в туалет иду.
Туалет у нас бесплатный.

Я свободный человек.
Я свободный от зарплаты.
Не хожу к окошку кассы.
И окошко – в паутине....

Я свободный человек.
У меня свободный выбор.
Или сам отдам я шапку.
Или в шапке убежать.
Но шпана – свободна тоже...

Эхо

Маячит домик вдалеке,
среди поляны у излуки.
И резвый катер на реке
подаст мне ласковые руки.
И у кустов, знакомых мне,
он резко сбросит шаг свой ходкий.
И закачает на волне
в пучок собравшиеся лодки.
И катер белые мостки
на берег бережно опустит
и вдоль задумчивой реки
шагать по берегу отпустит...
Проверю в омуте блесну.
Подарков городских отведав,
до ночи прогудим с соседом.
В дощатом домике усну.

Не от будильника проснусь —
от светлой трели жаворонка.
А выйду — в солнце окунусь
и в радость, вылитую звонко.

Да как же я
у этих вод,
у этой шири прежде не был!
Какая синь в глаза течёт!
Какой восторг нисходит с неба!..

Как будто нет дурных вестей,
кровавых битв внутри Отчизны,
где за амбиции властей
бессчётно отдаются жизни,
где взят в заложники народ,
где вор в избытке и калека,
где жизнь пошла наоборот —
к истокам каменного века...
О Бог! Не от того ль бежал,
транзистор разломал на части,
чтоб избежать того ножа,
в меня входящего всечасно?
Да что же ты опять про боль?
За тем ли в этот рай приехал?..
Да-да, отрину я, изволь...

Но здесь

ещё настырней Эхо...

1996 г.

Что нас ждёт

Отключили воду в туалете.
Задолжали мы водоканалу.
Впрочем, мы не пили и не ели.
Больше полугода ждём зарплату.
Ну скажи, зачем нам туалет?

Вот тепла, конечно, не мешало б.
Ведь тепло нам тоже отключили.
Ну, на что куплю я одежонку?
Старая-то – вот – увы! и ах!
Ничего, придётся закаляться.

Свет, конечно, отключили тоже.
Верно, думать можно и в потёмках.
Да и лучше, меньше отвлекает.
Ну, а мысли натошак – резвее.
Скоро будем видеть через тьму.

Вот тогда и станет нам понятно,
что нас ждёт в итоге всех реформ....

Монолог мафиози

Нам дали волю.
Всё, что нами взято –
считай, приватизировано. Вот!
Ещё Ильич сказал, что не зарплатой
жив человек. Он десять – украдёт.

Нам наша жизнь уже – чуть-чуть до рая.
Всё – по карману.
Всё могём достать.
Да пусть хоть все исчезнут, вымирая –
владыками быстрее сможем стать!

Вся будет наша матушка-Расея!
Земля и недра, даже воздух весь!
Мы будем сыты, не паша, не сея.
И в шахту не полезем – быдла есть.

Мы рыцари без совести и страха..
И потому-то нам всегда везло.
Мы будем только жрать,
и пить, и трахать.
И всех доить разумников-козлов

«Реки пустынная просинь...»

Реки пустынная просинь.
Унылых деревьев ряд...
Давай подойдём и спросим,
зачем они здесь стоят?
Зачем ни упрёка, ни стона,
где ржаво щетинится ость,
где рвано ложилась солома
под серый осенний дождь?..

А может, враньё, что наркозно
уныние сносят и плен?
Вот мечутся, щупая воздух
усами промёрзших антенн.
Вот рвутся, конечно, за нами.
Вот взорвана цепкая твердь!..
И яростно машут крылами.
Но только – не могут взлететь...

«Живые...»

Живые.
Дорога, что вьётся
доверчивым тёплым ужом.
И лист, что на веточке бьётся
зелёным живым мотыльком.
И капля воды на цветочке,
в которой играют лучи.
И стебель ползучий на кочке.
Увидел? Смотри – и молчи.
Молчи. Ведь язык как ни выгнешь –
ему не поймать эту дрожь
рожденья. Нутром-то постигнешь.
А словом неточным – убьёшь.

«Чего-то мне сегодня не понять...»

Чего-то мне сегодня не понять.
Жестокие законы бьют по нервам.
На их бесстрашие только ли пенять
сегодняшним одним пенсионерам?
Ведь и юнцам резвящимся судьба

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.